

УДК 82.0

ББК Ш5(2=Р)7-4Иванов В.С.+Ш5(2=Р)7-4Пильняк Б.А.

**МОДИФИКАЦИЯ ТЕМЫ ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАКУРСЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ 1920-х гг.**

Р. М. Ханинова

Как известно, персоналогическую сущность тоталитарных режимов составляет авторитарная личность. «Сталин понимал характер адекватнее, чем Фрейд, — считает И. П. Смирнов. — Сталин знал, что характер нельзя исправить, что человека нельзя вылечить от психичности, что от характерности как историчности можно избавиться лишь одним путем — уничтожая людей» [Смирнов 1994: 269].

Известные «голодные годы» в Советской России, как выяснилось, были спровоцированы властью для устрашения и подавления любого проявления неподчинения. «В 1920–1922 гг. голод охватил значительную территорию производящих губерний Юго-Востока; советская пропаганда и тогда, и позже говорила о голоде “в Поволжье”, между тем, голодали территории и восточнее — практически весь Южный Урал, — констатировал Д. А. Сафонов. — После десятилетий умолчания или крайне дозированной полуправды в последнее время стали появляться работы о голоде 1920-х, 1930-х, 1940-х гг. Не удивительно, что основное внимание исследователи уделяли самому процессу голода: его причинам, ходу, мерам по спасению людей, и, конечно, состоянию людей во время этой трагедии, с особым акцентированием на отклонениях в психике, вплоть до самых крайних, — типа людоедства и т. п.» [Сафонов 2005: 144]. Историки, медики, психологи обращали внимание и на сопутствующие собственно голоду факторы: рост преступности, обострение социальной напряженности и падение социальной активности масс, переход на пищевые эрзацы и, наконец, людоедство [Сафонов 2005: 144].

По наблюдениям С. Г. Семеновой, голод — одна из распространенных и самых пронзительных тем литературы 1920-х годов, которая разрабатывалась в достаточно

широком идейном и эстетическом диапазоне — от «жестко-натуралистического и беспросветного, как в рассказе Вс. Иванова “Полая Арапия”» (1921), «до той, превозмогающей все ужасы, борьбы за жизнь, когда трагическое сплетается с почти героическим, становится школой взросления, испытания и победы, как в неверовском “Ташкенте — городе хлебном”» (1923). В рассказах «Алешкино сердце» и «Обида», по мнению исследователя, М. Шолохов «стяженно вместил и явил этот диапазон» [Семенова 2005: 48].

Рассказ Вс. Иванова «Полая Арапия» относится к малоизученным произведениям писателя. В поздних заметках Вс. Иванова есть запись, связанная с эволюцией его представлений о достойном человеке обществе. «*Неужели же люди никогда не чтобы хорошо, но хоть бы сносно жить не будут?* — вопрошал он и тут же иронизировал по этому поводу. — А с другой стороны — *мы живем и жили плохо, и почему все в 2055 году должны жить хорошо?*» (курсив здесь и далее наш, кроме оговоренного. — Р. Х.) [Иванов 1978: III, 8, 457]. Обращаясь к потомкам, писатель недоумевал: «На каком основании вы получаете рай, а *мы чистим и перестраиваем ад*, проводим в нем электрическое освещение, выкидываем камеры пыток, застенки, мучительства и издевательства друг над другом? Ведь вам будет стыдно? *А ведь не для стыда же вашего мы старались и мучились?* Ах, какая чепуха, бессмыслица и грубость, грубость!..» [Иванов 1978: III, 8, 457]. Природа стыда, по Иванову, в том, что стыд «всецело полагается на неодобрение, неблагоприятные суждения других людей. Стыд — различен от того, открыто ли выражено это суждение или известно только тому, кто испытывает это чувство», в свою очередь, совесть «возникает вследствие соединения самообли-

чения с упреками окружающих» [Иванов 1978: III, 8, 436]. Вероятно, в этом отношении принципиальна «всенаходимость» власти в тоталитарном государстве, когда коллективный страх превалировал над индивидуальным стыдом.

В ранней прозе Вс. Иванова, как у его современников, тема Земли Обетованной, с одной стороны, релевантна теме крестьянского рая, Небесного Града на земле, «новых островов», «далеких земель» в духе русских народных социально-утопических легенд (Белая Арапия, Беловодье, Даурия, город Игната, река Дарья, Анапа), с другой же — образу города, уходящего под воду, под землю, как в русских легендах (Китежград), а с третьей — идеологии созидания чаемого общества в социалистическом государстве. Эта тема аккумулировала коммунистические лозунги всеобщего равенства и универсального изобилия.

В повести «Третья столица» (1922) Борис Пильняк, упоминая о людоедстве в России, писал: «Это рассказал Всеволод Иванов — “Полой (почему — не белой?) Арапией”...» [Пильняк 2003: 2, 316–317].

А между тем, в самой поэтике названия произведения, который Борис Парамонов назвал «самым страшным в русской литературе рассказом о голоде в Поволжье», содержится, во-первых, отсылка к легендарной Белой Арапии, а во-вторых — ключ к авторской позиции. В отличие от Пильняка, Парамонов верно заметил, что «страшный рассказ не ограничивается приведенными натуралистическими (лучше сказать — сверхъестественными) подробностями», так как «история волжского голода дана в своего рода философском ключе. Голод — это путешествие в некую фантастическую страну — Полуию Арапию, предводительницей которого выступает кликуша Ефимья со Вчерашнего Глаза» [Парамонов 2003: 5]. Исследователь приводит диалог между сестрой и братом. «“ — Сказывают, за Сыр-Дарьей открылась земля такая — полая Арапия. Дожди там, как посеешь — так три недели подряд. И всех пускают бесплатно, иди только. Земель много. Ефимья рассказывает складно, Мирон.

— Брешет, поди. Откуда она?

— Привезли. Захочет, поведет люд в эту самую Арапию. Тятя не едет. А в которых деревнях собрались, пошли. Крыса тоже туда идет. И птица летит. Наши-то края за-кляли на тридцать семь лет: ни дождя, ни

трав... Потом вернутся, как доживут... На тридцать семь лет открыли Арапию, а потом опять закроют».

Получается, — делал вывод Парамонов, — что не голод гонит людей в Полуию Арапию, а сама мечта об этой пустой земле вызвала голод», поэтому «аллегория очень прозрачная», а именно: «Коммунизм — Полая Арапия, куда русские так и не дошли. Да идти и не надо было: она внутри, русская тяга к утопии» [Парамонов 2003: 5].

«Русская тяга к утопии», помимо универсального, общечеловеческого содержания, носила не только специфический характер, отраженный в трудах философов, историков и социологов, но и явилась в народных легендах выражением его социально-утопических воззрений, в основе которых — и социально-экономические причины, и эсхатологические идеи, особенно сильные в старообрядческой среде в XVII–XIX вв. и предопределившие своеобразный эскапизм старообрядцев в русском обществе в целом, — что выявлено в исследованиях К. В. Чистова [Чистов 2003: 6]. Модификация этой темы — утопия бегства — очевидна в повести Вс. Иванова «Бегствующий остров»: еще во времена Петра I ушедшие в сибирскую тайгу раскольники, поселившись на неприступном Белом Острове, ограничили сношения с внешним миром, и только революция 1917 г. внесла неожиданные коррективы в их привычное житие.

В интересующий нас период, в годы гражданской войны и коллективизации, крестьяне Сибири, как отмечали исследователи, уходили на окраины и за пределы Советской России в поисках того же Беловодья. У Иванова название страны Полая Арапия, оппозиционное по отношению к России, осмысливается в цепочке оппозиций как чужое — свое, дальнее — близкое, незнакомое — знакомое, закрытое — открытое, сытое — голодное, богатое — нищее, блаженное — проклятое. В словаре В. И. Даля «полый» определяется как «открытый, отверстый, не (по) закрытый, растворенный настежь, запахнутый, разверстый» [Даль 1955: III, 266]. В современном словаре русского языка приводится еще значение «пустой внутри, ничем не заполненный» [Словарь русского языка 1983: III, 277]. Таким образом, Ефимья с новоявленного святого ключа Вчерашний Глаз «нараспев велеречила» людям, бегущим от голода, об открывшихся «на небольшие времена» воротах Арапской по-

лой земли: «Идите все, кто дойдет песками, через сарту, оттедова по индейским горам. На тридцать семь лет отверзлись врата. Кто первой поспеет, тому *близко* землю вырежут. Трава там медовая, пчелиная. Хлебушко спеет на три недели» [Иванов 1928: I, 2, 242]. Этот же мотив плодородия дальних сокровенных земель в списках «Путешественника», тайной крестьянской листовки с призывом идти в Беловодье и с указанием маршрута выражен традиционными формулами: «А земные плоды всякия весьма изобильны бывают; родится виноград и сорочинское пшено, и другие сласти без числа...» [цит. по: Чистов 2003: 295].

«Литературно-художественное творчество, являясь системой отсчета социальных, научных и культурных контекстов, выступает и законодателем норм данного контекста», — отметил А. А. Фокин. По мнению исследователя, перекодировки этих норм в литературной эпохе становятся импульсом к творческому акту, объясняя феномены преемственности и новаторства в антропологической поэтике [Фокин 2004: 455].

Вяч. Полонский в 1929 г. увидел своеобразие историософской позиции Иванова-художника в том, что автору «Партизанских повестей» «все стало непонятно и страшно: *исчезло оправдание борьбы*, жертв, крови и слез. Но ведь без цели — как жить? На время, — до того, как “Тайное тайных” открыло ему некое новое непонимание жизни, на его страницах зазвенели ветхие колокола Китежа-града. Древний мотив обетованной земли, достояние музейного изучения, странно прозвучал на его страницах. “Спокойную землю” ищут в “Лоскутном озере”. Идет с посохом в город Верный косою Кузьма в рассказе “Жаровня архангела Гавриила” <...> Голодные, умирающие в “Полой Арапии” также с отчаянием взывают: “Далекие земли, пустые, полые поля арапские! Какими путями итти, какими дорогами?” » (курсив автора. — *Р. Х.*) [Полонский 1929: 227]. По справедливому утверждению критика, сам автор, впрочем, не обольщался иллюзиями на счет Китежа-града. Его герой «злобно» веровал, что должен город Верный или стоять как олицетворение иной, счастливой жизни, или провалиться в зыбучие туркестанские пески, чтобы спастись от новой власти. Осталось незамеченное критикой ироническое перефразирование исторического призыва «Пролетарии всех стран, со-

единяйтесь!» в обращении Ефимьи («Собирайтесь, православные, со усех концов!...»). Старуха днем и ночью сидела на телеге *во дворе председателя исполкома Тимохина*. Заинтересованность власти в этой акции видна и в том, как «мельком провез ее (Ефимью. — *Р. Х.*) *кто-то* в тележке угриваривать Анисимовские хутора. Хутора ждали хлеба из Москвы и отказывались ехать» [Иванов 1928: I, 2, 242–243]. И хотя далее так же безлично сказано о том, как «хутора загорелись и сполыхались *в одну ночь*», как «загорелись леса», поэтому высохла река, вдобавок «*внезапно* обезводели колодцы», подозрительна эта масштабная «мгновенность» безводья, бездомья, спровоцировавшая крестьянские семьи «сняться с деревни» и пойти в полую Арапию. «Ефимью мужики *везли на себе по очереди четвером*. Она, тыча согнутым, как клюв, пальцем, глядела *на юг* и повторяла все те же слова про полую Арапию...»; потом мужики, обессилевшие, «*подталкивая плечами, везли тележку с Ефимьей*» [Иванов 1928: I, 2, 244, 245]. Старуху берегли, потому что ей только ведома дорога в заветную страну, в отличие от горьковского Луки. Примечательна здесь контаминация с другой заповедной землей (за Сыр-Дарьей), находящейся где-то за Волгой, *на востоке*, в глубине плодородных степей, — рекой Дарьей.

Вяч. Полонский актуализировал в образительном мастерстве Иванова страшную картину голода 1921 года в Поволжье: «Описания, сравнения, пейзаж даны в “Полой Арапии” так, как если бы мир изображали те самые люди, которые мясом ближнего пытались утолить голод» [Полонский 1929: 228]. Апокалиптическая картина в рассказе Вс. Иванова открывается эпизодом о бегстве крыс: «Деревья росли из крыс. Из крыс начиналось солнце, и ветер над крысами неся — худоробый голодный пес. <...> Били мужики крыс палками; лопатами нагребали телеги» [Иванов 1928: I, 2, 237].

Определяя понятие “апокалиптическое”, А. Эткинд писал: «Поколение за поколением люди — особенно интеллектуалы, но вслед за ними и многие из тех, кого историки любили называть “массаами”, — ждали необычайного, чудесного события. В акте Апокалипсиса, по-русски Светопреставления, мир будет полностью изменен. История — страдания всех прошлых поколений и самого размышляющего субъекта — обре-

тет свершение и смысл. Предначертанный сценарий остановится на своей высшей и лучшей точке. <...> Разница между Апокалипсисом и революцией — в субъекте действия, божественном в первом случае, человеческом — во втором, но не объекте и не в способе. Иными словами, разница в том, откуда предполагается импульс и от чьего имени вершится суд, но не в том, что и как подвергается переменам» [Эткинд 1998: 11, 20].

Люди едят крыс, крысы — людей, человек — человека. Когда в горшках запахло крысиным мясом, «*жирное, обьевишееся*, вставало на деревья солнце. *Тучными животами* выпячивались тучи» на «*оглоданные земли*», где «от неба до земли — *жидкая голодная пыль*» [Иванов 1928: I, 2, 237]. Вернувшийся из деревни младший сын Фаддея, семья которого в центре повествования, Сенька, сообщил старшей сестре, что мать, не удержав внука, уронила на пол и крыса отъела ему нос и руку. Пришедший в избу председатель исполкома, пощупав отгрызенную руку ребенка, объявил семье о необходимости составить протокол о смерти. «*Может вы сами съели. Сполкому сказано — обо всех таких случаях доносить в принадлежности*»; свою позицию он саморазоблачающе довел до слушателей: «*Моя обязанность — не верить*» [Иванов 1928: I, 2, 239]. Доводы Тимохина, представляющего власть, по-своему логичны («*Опять, зачем крысе человека исть?*»), утешение доходчиво («*Ты, Надька, не вой. Еще другого сделай. Очень просто*»). В период «*Партизанских повестей*» «все кажется естественным и простым — и родить человека, и убить человека (“ничего нет легче человека... убить” — “человек ... пыль”» [Белая 1989: 131]. Молодая мать кощунственно жаловалась брату: «*Думала — донесу ребенка-то до настоящей жизни... А тут крысы съели, господи!.. Не могли старуху (это о матери! — Р. Х.) съесть. В деревне, бают, Фадеевы сами съели, про нас-то*» [Иванов 1928: I, 2, 240].

Борис Пильняк в «Третьей столице» строками из дневника англичанина Роберта Смита горько констатировал: «Разрушены семья, мораль, религия, труд, классовое сознание всех групп туземного населения, ибо борьба за существование, голодная смерть (а голодала вся Россия без исключения) — вне морали и заставляли быть аморальными» [Пильняк 2003: 2, 327]. Свои же мысли,

как маркирует автор, пришли весной 1922 года, вслед за «голым годом»: «О голоде говорить *нечестно, бесстыдно*, нехорошо. Голод — есть: го-лод, ужас, мерзость» [Пильняк 2003: 2, 332].

Описание двухлетнего голода на Дону встречается в рассказе М. Шолохова «Алешкино сердце» (1925): четырнадцатилетний мальчик представлял себе голод «*большущим безглазым человеком: идет он бездорожно, шарит руками по поселкам, хуторам, станицам, душит людей и вот-вот черствыми пальцами насмерть стиснет Алешкино сердце*» [Шолохов 1956: 1, 45]. В отличие от семьи Фадеевых из «Полой Арапии», остался в живых Алешка: мать с сестрами мученически умерли, труп младшей, Нюрятки, собаки выели. И если у Иванова дана картина всеобщего голода, то, как подчеркнула С. Семенова, в шолоховском повествовании поля родят, Советская власть охраняет амбары с зерном для нового урожая, богатые казаки наживаются на беде [Семенова 2005: 51–53].

Пильняк в «Третьей столице» привел историю о дворнике, приехавшем из голодной стороны: был он вначале дворник как дворник, разве что темнел, когда видел хлеб, мяса не ел совершенно, а вот картошки съедал невероятное количество. Причина открылась, когда человек вскоре завыл: сошел с ума (он не мог не сойти с ума, вспомнив и рассказав, как съел там, в хлебородной, свою жену); потом в сумасшедшем доме он повесился [Пильняк 2003: 2, 332–334].

Безумие как измененное состояние сознания человека в зеркале социально-исторических катаклизмов XX века привлекало внимание Иванова-художника — хрупкое психическое здоровье личности становилось ее автопсихопрезентацией [Ханинова 2006]. В «Полой Арапии» лейтмотив людоедства — один из ведущих: начинается с подозрения председателя исполкома в том, что семья Фадеевых съела своего ребенка, продолжается темой будущего «исчезновения» трупа Надьки с помощью Егорки-женухи и заканчивается неминуемой смертью старшего брата, Мирона, за которым охотятся четверо чужих. Так крысы объединяются в стаи и загрызают других особей. Ученый-этолог Конрад Лоренц отметил, что «постоянное состояние войны, в котором находятся все соседние семьи крыс, должно оказывать очень сильное селекционное давление в сторону все возрастающей

боеготовности, и стая, которая хоть самую малость отстает в этом отношении от своих соседей, будет очень быстро истреблена» [Лоренц 2004: 424]. Мирон испуганно сообщал сестре после попытки насильников, что щупают («мясо щупают!»), не тело — а еду. Та, жалея опухшего от голода брата, советовала ему быстрее худеть («очумел мужик, особенно ночью — согрешат, убьют...»). Д. А. Сафонов приводит сведения: в Башкирии людоедство приобрело такие масштабы, что в апреле 1922 г. правительство Башреспублики приняло специальное постановление «О людоедстве», имевшее целью защиту людей, прежде всего, детей, от посягательств психически ненормальных граждан, которые стали такими от голода [Сафонов 2005: 148].

Мотив сна (жизнь как сон-небытие) стал сюжетообразующим элементом в ивановском рассказе. Герою снился сон-греза об урожае: «Желтый густой колос бежал под рукой, не давался в пальцы. Но вдруг колос оцетинился розоватыми усиками и пополз к горлу. Здесь Мирон проснулся и почувствовал, что его ноги ощупывают: от икр к пахам и обратно. Он дернул ногой и крикнул: “ — Кто здесь?” » [Иванов 1928: I, 2, 244]. Сон оказался вещим, да и предчувствия не покидали человека («кончат»). У голодного Мирона появились галлюцинации: «Под глазами развернулось, извиваясь и трепеща, поле колосьев — багровых, зеленых, коричневых. Разбрасывая рогами колос, вышла и глянула на него тупая и жирная морда коровы. И вдруг — глаза у ней поблекли, осели, и над ними всплыла острая волчья морда» [Иванов 1928: I, 2, 249]. И, действительно, когда несчастный открыл глаза, за колесом телеги сидела «баба, а мужик за ней совал ей в руку молоток. “Сожрут”, подумал Мирон. Он прижал голову к спицам и, хватая ртом песок, зажмурился» [Иванов 1928: I, 2, 249]. А Егорка, *колом подкинув к себе крестик* с умершей невесты, *не смотрел в лицо ее брату*, когда *обещал Надьку похоронить*.

Здесь, в финале рассказа, наглядна символическая проекция сна и галлюцинаций: колос — голод (смерть), корова — баба (исполнитель), волк — мужик (заказчик). «Человеческая судьба стала походить на страшный сон, а страшные сны оказались действительной человеческой судьбой» [Полонский 1929: 225]. Другим лейтмотивом в «Полой Арапии» с первой главки («Тогда

появилась Ефимья со Вчерашнего Глаза») стал образ старухи, манифестирующий умаление и оскудение («маленькое беловолосое лицо», «морщинист голос древний, чуть слышный»), отрешенность («Вздыхала сонным вздохом. Глаза редкие и немые — спят. Голос сонный, чужой и жуткий»). Мужики были обеспокоены, что нечем кормить Ефимью, Мирон устало успокоил: «Накормют» [Иванов 1928: I, 2, 248].

Обещала и Ефимья, что дадут «арапские человеки все надобное, до штанов с зеленой пуговкой». В народной модификации Земли Обетованной, по словам героини рассказа, жил там народ «черный и без попов», хотя Надька и выражала сомнение («А поди, так попы раньше туда с крысой удрали»). А пока люди грызли кору, ели корешки, кожу с хомутов после того, как кончились крысы и лошади. В лирическом отступлении пятой главки автор горестно восклицал («Глодай! Глодай! Камни будешь глодать! »), а раньше, оптимист, пел гимны, как заметил Вяч. Полонский: «?Пройдем и проедем степи. Пески превратим в камни. Камни — в хлеб. Веселых дней моих звенящая пена, — Будь!» (Рассказы о себе). <...> Человек верил, что в хлеб превратит камень, — но увидел себя слабой игрушкой» [Полонский 1929: 225].

Гибнущий человек, действительно, всегда был предметом глубокого внимания писателя, но причиной тому — авторская интенция. Иванов вспоминал в конце 1950-х гг., как летом 1921 г. от редакции «Правды» поехал в Поволжье, которое поразил страшный голод. Ни очерк, ни статья не получались. По предложению М. И. Ульяновой, работавшей тогда в этой газете, он стал писать «Полую Арапию», помня ее наказ: «И не приукрашайте жизнь, пишите искренне все, что видели» [Иванов 1958: II, 1, 79]. В последующих комментариях к творческой истории рассказа писатель скорректировал объяснение замысла: «Когда я писал его, я был убежден, что, чем чаще литератор будет смотреть правде в глаза, *чем бесстрашнее будет говорить об этой правде, тем героичнее и возвышеннее будет обрисован человек нашей страны*. Однако рассказ этот даже после напечатанья его в “Правде” издатели брали неохотно» [Иванов 1958: II, 1, 79]. Сегодня можно предположить, что издателей смущали не только картины голода, но и недвусмысленность авторской позиции.

Симптоматично звучит название святого ключа в рассказе Иванова «Полая Арапия» — «Вчерашний Глаз». Вчерашний глаз — вчерашний взгляд. В контексте повествования это и отсылка к народным социально-утопическим представлениям о светлом будущем в заповедной земле (Белая Арапия), это и прощание с вековыми иллюзиями, «ведь единственный язык <...>, который они (люди. — Р. Х.) понимают, — это язык, минующий разум и обращенный к чувству» [Юнацкевич, Кулганов 1999: 166]. Это утопия бегства от коммунистического рая (Полая Арапия). Следовательно, рассказ Вс. Иванова содержит явную антиутопическую тенденцию.

Трагическую модификацию такой народной утопии в жанре литературной антиутопии — дистопии (Е. Замятин, А. Платонов, Д. Оруэлл, О. Хаксли, Р. Шекли, Р. Бредбери, Э. Берджес и др.) представил опыт XX века. Как напомнил К. В. Чистов, О. Хаксли предпослал одному из своих романов эпиграф из Н. Бердяева: «И теперь стоит другой мучительный вопрос: как избежать их (т. е. утопических идей. — К. Ч.) окончательного воплощения?» [Чистов 2003: 22]. Размышляя о современности, дневниковыми записями своего героя-англичанина Б. Пильняк пророчески объявил: «Я изучаю русский язык, и я открыл словесный нонсенс, имеющий исторический смысл: *власть советов — власть пожеланий*» [Пильняк 2003: 2, 329]. Расшифровка этому дана в предшествующем пояснении: «Я много думал о воле видеть и ставил ее в порядке воли хотеть; *оказывается, есть иная воля — воля не видеть, когда воля хотеть противопоставляется воле видеть. Россия живет волей хотеть и волей не видеть*» [Пильняк 2003: 2, 328].

Вяч. Полонский считал, что такие произведения Вс. Иванова, как «Дите», «Полая Арапия», могут выдержать сравнения с лучшими произведениями европейской литературы. «Я не знаю, кроме “Полой Арапии”, другого произведения, которое с такой потрясающей, почти осязательной силой показало бы голодного человека. “Голод” Гамсуна по праву приобрел мировую известность. Но Гамсун показал мир глазами голодающего интеллигента. Искривленный мир был удивителен» [Полонский 1929: 228]. В «Полой Арапии» автор «дал облик голодающей массы, впавшей в первобытное, звериное состояние — на грани людо-

едства», — резюмировал Вяч. Полонский, отметив, что «изобразительная сила кисти Иванова возросла необычайно» [Полонский 1929: 228]. Г. А. Белая также справедливо утверждала, что истинный дар этого писателя — живописание, рапповская же критика сыграла роковую роль в его творческой судьбе, толкая писателя к «простоте» и доступности: «Вероятно, прав был Пикассо, когда возражал против того, чтобы рассматривать творчество художника через систему зеркал, из которых одни представляют его прошлое, другие — его будущее. “Все это один и тот же образ, — говорил Пикассо, — но только отраженный в разных плоскостях”» [Белая 1989: 138–139].

Можно заключить, что тема Земли Обетованной в ранней прозе Всеволода Иванова претерпела модификации в аспекте социокультурной парадигмы, обусловленные как историософскими воззрениями писателя, так и сменой идиостиля. Это, и в самом деле, один и тот же образ, отраженный в разных плоскостях.

Литература

- Белая Г. А. Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 400 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Госиздат иностр. и национал. сл., 1955.
- Иванов Вс. I Собр. соч.: в 7 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1930.
- Иванов Вс. II Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1958–1960.
- Иванов Вс. III Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1973–1978.
- Лоренц К. Агрессия // Вилюнас В. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2004. С. 406–430.
- Парамонов Б. И. Оставь нам долги наши // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/programs/rg/2003/rg.071003.asp>
- Полонский Вяч. Очерки современной литературы. О творчестве Всеволода Иванова // Новый мир. 1929. № 1. С. 216–235.
- Пильняк Б. Собр. соч.: в 6 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2003.
- Сафонов Д. А. Человек после голода: голод 1920–1922 гг. и его последствия // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: Мат-лы XVIII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: в 2 ч. СПб.: Нестор, 2005. Ч. 2. С. 144–148.

- Семенова С. Г.* Мир прозы Михаила Шолохова: От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.
- Словарь русского языка*: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Рус. яз.», 1983.
- Смирнов И. П.* Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Нов. литератур. обозрение, 1994. 351 с.
- Фокин А. А.* От функционального изучения литературы к антропологической поэтике // Русская литература XX–XXI веков: проблемы истории и методологии изучения: материалы Междунар. науч. конф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 451–455.
- Ханинова Р. М.* Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. 330 с.
- Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 540 с.
- Шолохов М. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1956–1960.
- Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Нов. литератур. обозрение, 1998. 688 с.
- Юнацкевич П. И., Кулганов В. А.* Психология обмана. СПб.: Атон, 1999. 319 с.